

Добренков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование

Глава 1. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР И ОБРАЗОВАНИЕ

Институты образования имеют многотысячелетнюю историю, являясь на протяжении многих веков предметом систематического исследования. Но знание сути образования пока весьма расплывчато, спорно и ненадежно. Весьма расхожим является понимание образования как подготовки человека к самостоятельной жизни. Научное определение такой позиции дано Э. Дюркгеймом: «Образование — методично организованная социализация». Однако в этом определении нет ответа на вопросы, какую специфическую функцию реализует образование, чем оно принципиально выделяется среди других социальных институтов. Совершенно очевидно, что социализация человека — это многогранный процесс, в котором участвуют практически все социальные институты, и к каждому из них применимо определение, данное Э. Дюркгеймом. Ограничивая процесс образования только развитием индивида, мы не можем определить сущностные качества этого процесса.

Чтобы понять сущность образования, надо разобраться не только в том, зачем понадобилось обучение в школе, но и в том, где в общественном процессе (как, впрочем, и в онтогенезе личности) возникает потребность в образовании. В свою очередь, это предполагает погружение в генезис самих общественных структур. В ходе их теоретической реконструкции мы, надеемся, подойдем к пониманию необходимости образования и для общества, и для человека.

Ориентиром общественного устройства мы считаем социальный институт — ведущий структурный элемент современной цивилизации и одна из центральных категорий социологии. Пытаясь ответить на вопрос, где и как в процессе становления социальных институтов возникает потребность в феномене культуры — в образовании, мы, возможно, поймем, как институционализируется и само образование.

Семья, школа, предприятие, где трудится человек, государство, в котором он живет, — это то, что, собственно, составляет его жизнь. Говоря о «свободе», «правах», «счастье», человек подразумевает некую форму институционального устройства (стиль управления в государстве, семейная, профессиональная обустроенность и др.). Что собой представляет институт, каковы его потенции и направление развития в третьем тысячелетии? Хотя круг работ, затрагивающих различные аспекты института как социального феномена, весьма обширен, однако до сих пор не существует достаточно определенной концепции института.

Одна из методологических ошибок — сведение института к организации, причем обычно представляемой в рамках системно-структурного подхода. Концептуальная сеть

системно-структурного подхода действительно дает весьма широкое и внешне целостное представление о любом объекте. В силу общенаучной значимости используемых при этом понятий («элемент», «структура», «функция», «организация», «управление» и др.) они доступны широко-му кругу пользователей различных научных дисциплин и, главное, операциональны, легко переводимы в комплекс измеряемых индикаторов. Остается лишь уточнить детали, выделить и элиминировать действие дисфункций и т.п. Однако надо помнить, что, вводя более широкие признаки понятия, мы фиксируем лишь некие общие черты схожести с другими объектами, качественный анализ внутреннего содержания заменяем внешним отслеживанием, не разобравшись в сути, генезисе, развитии феномена.

Нельзя не признать, что даже при односторонней, поверхностной «эксплуатации» системно-структурного подхода можно добиться эффекта нового знания в каких-то прикладных разработках — частная диагностика, локальные прогнозы и т.п. Системно-структурный анализ предлагает некую общую схему устройства и регуляции социального объекта. Его содержательный социальный контекст поддерживается рядом социологических подходов (социокультурным, социокоммуникативным, социально-психологическим и др.). Чтобы обеспечить понимание института, надо раскрыть его содержание с позиций этих подходов, прежде всего понимание генезиса как социального феномена.

Институт — высшая форма структуризации общения, взаимодей-ствия, социальной жизни. Соответственно, другие формы могут рассматриваться или как исходный материал его строительства, или как промежуточные фазы его развития, или как побочные структурные деривации. Вспомним известный методологический прин-цип диалектики, согласно которому высшая форма служит ориентиром понимания низших или более ранних форм, поддерживая в поле теоретической реконструкции направление эволюции.

Самое общее, что мы обнаруживаем в концептуальной реконструкции института, — это то, что он служит формой структуризации социальной, человеческой жизни, представляет собой осно-вополагающую структуру общества. Любая структура поддержи-вает устойчивость процесса, его воспроизводимость, создает свойство «памяти», фиксирует определенные связи, фазы, направ-ления. Сразу обратим внимание на то, что в процессе структуризации социальной жизни как бы по взаимному согласию и ко взаимной пользе участвуют и индивид, и общество, т.е. «случайный индивид» и виртуальный «общественный субъект». Институт — это структура, относящаяся и к человеку, и к обществу.

То или иное понимание роли института во взаимоотношении «индивид — общество» также нередко оказывается «камнем преткновения», вызывает теоретико-методологический сбой и даже неприятие самой темы. Согласно одной из позиций институт интерпретируется лишь как структура, оказывающая внешнее давление и ограничивающая поле действия субъекта (личности), его свободу; в соответствии с другой позицией личность рассматривается как фактор, возмущающий действия институциональных структур, которые «заботятся» о сохранении целостности, устойчивости общественной жизни, а вместе с тем — о благополучии большой массы людей. Согласно последней позиции выстраиваются доктрины «нивелирования личностей» в соответствии с рамками институциональных установлений. Эта проблема перманентно служит предметом дискуссий общественности о предназначении

образования.

Институциональный подход действительно является одной из антитез философской дилеммы «Я — не — Я». Однако необходимо предполагать не только различия философской и социологической теорий, но и их тождество в общей субстанции социальной, общественной жизни. Проблема насилия, к которой чаще апеллируют сторонники гуманистической педагогики, может быть отнесена и к понятию «человек — общество»: каждая сторона не только «для другого», но и «для себя» содержит предпосылки насилия, вреда, враждебности, отчуждения, добродетели и злобы, справедливости и вероломства. И то, что «в человеке», и то, что «вне» его, — все это соответственно мир человека и общества. Разумее, в исследовательских целях вполне оправданы и «человеко-центристский» (антропологический), и «общественно-центристский» (социологический) подходы. Когда же отказывает чувство меры в условности различения этих позиций, то мы попадаем в плен заблуждений, иллюзий, начинаем выстраивать границы там, где имеются естественные связи, взаимодействия.

Попытаемся показать, что фазы развития института вместе с тем являются и этапами развития человека, его социализации. Общая концепция процесса структуризации социальной жизни в конструкцию социального института именно в таком подходе наиболее удачно изложена Питером Бергером и Томасом Лукманом. Мы воспользуемся их концепцией, но дополним ее как теоретическими конструктами, так и комментарием.

ФОРМЫ ПАМЯТИ

Одно из важнейших свойств структуризации — это свойство памяти. Лишь приобретая средства памяти, структура способна к воспроизводству процесса. Соответственно, институционализация непременно подразумевает «запечатлевание» в памяти. Бергер и Лукман используют для обозначения этого процесса термин, заимствованный из геологии, — седиментация (выпадение в осадок). Живые организмы обладают свойством обратных связей, реактивности, чувствительности и психики. Человеческое общение приводит к прорыву в свойствах седиментации; главной опорой в расширении объема памяти служат не столько свойства самого организма, его психика, сколько развитие предметной деятельности и языка как социальной знаково-коммуникативной системы. Память выносится «вовне». В свою очередь, магистральный путь развития психики — адаптация к предметной деятельности и знаково-коммуникативным системам. В этом встречном движении суть культурного прогресса. Вполне очевидно, что образование прямо обращено к культурной памяти общества.

Основная линия динамики природной и социальной эволюции — это развитие механизмов наследования, способности запечатлевать в памяти и воспроизводить оптимальные варианты взаимодействия, поддерживающие преемственность морфологических структур при их обновлении. Образование относится к формам преемственности, наследования социального опыта, культуры. Но что ему предшествует в природной, исторической эволюции? Осмысление этих генетических корней приобретает еще больший смысл, поскольку все структуры наследования оказываются важнейшими факторами эффективности самого образовательного процесса.

Предварительно выделим основные структуры наследования в социальной жизни:

- генофонд популяции, гены индивида как биологического существа;

- фенотип — окружающая среда (его наиболее широкий социальный контекст — это вся общественная среда, в том числе такие предметные социальные конструкты, как орудия труда, средства жизнеобеспечения);
- формы чувствительности, психика человека;
- структуры (матрицы) взаимоотношений людей;
- вещественное опредмечивание;
- реифицирование в знаково-коммуникативных системах.

Различают долговременные виды памяти, которые длительно и устойчиво сохраняют следы изменений при обновлении, регенерации морфологических структур, и кратковременные (оперативные) виды памяти, действующие ситуативно, на базе тех же морфологических структур. Биология различает в живой природе два долговременных, наследственных вида памяти: генотип — набор хромосом с относительно жесткой системой кодирования — и фенотип — среда, комплекс условий, микро- и макроэкологические системы, которые содержат факторы прямого действия или мутаций генотипа; при этом выделяется внутренняя среда (внутривидовые взаимодействия) и внешняя среда (взаимодействие с остальным природным миром). Влияние внешней среды на генотипическое наследование опосредовано взаимодействиями внутри популяции, вида.

Принципиально важно, что только взаимообусловленность внутренних наследственных структур (генов, хромосомных цепочек) и внешних условий поддерживает наследование, сохранение заложенной программы действий. В то же время колебания параметров среды приводят к мутациям, изменениям наследуемых программ.

Другое принципиально важное обстоятельство, необходимое для понимания природы памяти как в биологических, так и в социальных структурах (также и феномена образования), — это то, что наследование опыта у развитых видов животных закрепляется не в особи, а в популяции и поддерживается благодаря половому размножению. Природа отвергла клонирование как более бедный механизм наследования — по сути, с тупиковой, замкнутой эволюцией. Наследование посредством полового размножения колоссально увеличивает объем памяти, ее носителем является уже не отдельный индивид, а формы внутрипопуляционных взаимодействий. Разумеется, такой вывод дает нам теоретическую предпосылку в толковании общественной природы образования. Здесь также у клонирования ограничены перспективы.

Следующий вид памяти (уже оперативной), присущий человеку как высокоорганизованному животному, — это чувствительность и психика. Простейшая форма чувствительности — рефлексивность является следствием развития так называемых обратимых процессов и реактивности. Реактивность подразумевает «ожидание — противодействие» фактору, который циклично воспроизводится в ходе жизнедеятельности организма, эволюции вида. Чувствительность — это уже дифференцированная реакция на фактор. Благодаря реактивности и чувствительности у организма появляется возможность ориентироваться в окружающей среде и регулировать собственные взаимодействия в этой среде. Кстати, только циклические, обратимые процессы подлежат регулированию, управлению. Чтобы перевести процессы в управляемый режим, требуется выявить и выстроить в них циклы.

Психика — системное взаимодействие органов чувств; самое важное ее свойство — способность самоощущения, идентификации в многообразно изменяющихся условиях

среды, в воспринимаемой о ней информации. На основе самоощущений (как интегрированных ощущений, ассоциаций) особь выстраивает свои действия не как отдельные реакции, а как поведение, направленное на удовлетворение определенной потребности. Потенциально благодаря психике особь способна удерживать в памяти весь свой жизненный опыт; реально же эти возможности у нее ограничены репродуктивными свойствами нервных клеток. (По принципу накопления таких «нервных клеток» — кластеров, роста их ассоциативности расширяется объем памяти кибернетических машин.) Высшая форма психики — сознание является приобретением общества, человека и возникает с появлением новых носителей памяти.

Эволюция структур — носителей наследования опыта в живой природе — происходила на основе взаимодействия генотипических и фенотипических, внутренних и внешних, долговременных и оперативных носителей памяти. Возникновение форм социальной жизни сопровождается скачком в эволюции памяти. И решающую роль в этом сыграло опредмечивание.

В аспекте нашего предмета анализа опредмечивание (объективация) — это не только активное использование предметов природы в качестве средств жизнедеятельности, жизнеобеспечения организма, биологических популяций, но и придание им функции регулирования взаимодействий, ориентации в окружающей среде, функции средств новой памяти.

Чем принципиально отличается опредмечивание от использования, заимствования, вовлечения окружающих предметов в жизнедеятельность организма? Опредмечивание является не следствием сопутствующих, случайных корреляций, а результатом намеренных действий субъекта, который переносит на предмет свое Я, вступает в ценностные отношения с окружающим миром, тем самым идентифицируя себя не только с другими человеческими существами, но и со все более интенсивно расширяющимся кругом предметов. Окружающий мир становится миром человека, общества. Это является началом человеческой культуры.

Разумеется, основу опредмечивания составляет та или иная потребность, вызывающая вполне реальное взаимодействие организма с окружающей средой. Но появляется еще один путь развития — целенаправленная деятельность, свободное конструирование действительности, общественная практика, человек не только приспосабливается к природе, но и изменяет ее по своему усмотрению.

Опредмечивание (как форма памяти) представлено в трех видах:

- в структурах социального взаимодействия;
- вещественно в предметах природы (наиболее выражено в орудиях труда);
- в знаково-символических средствах.

Предпосылкой и основой опредмечивания является идентифицирование. Окружающий мир осваивается человеком через рефлексию своего положения среди людей (так же происходит и отчуждение мира). Опредмечивание в структурах социального взаимодействия — это как бы продолжение внутривидового, популяционного взаимодействия. Вещественное опредмечивание становится устойчивым лишь в том случае, когда оно выполняет некую функцию во взаимодействии людей, поддерживается соответствующими структурами общения. Научившись переносить свое Я на себе подобного, человек начинает вводить в свое его (в свои планы) предметы окружающей природы. Нам только кажется, что оперировать предметами легче, чем влиять на людей, — на самом деле предметами легко оперировать лишь в случае

получения от лю-дей опыта действия с ними. Если же такого опыта не было, пред-меты кажутся непонятными и таинственными.

Рассмотрим этапы структуризации, институционализации обще-ния людей. Их общим свойством является то, что структуры взаимоотношений людей сохраняют, закрепляют опыт в положи-ях, реакциях участников совместных действий.

В результате вещественного опредмечивания к естественным свойствам материальных объектов добавляются функциональные свойства человеческой практики. Наиболее сложная форма вещественного опредмечивания — создание орудий труда, в которых воплощаются способности человека. В процессе использования и наследования орудия труда закрепляют формы социального обще-ния в виде разделения труда и форм кооперации. К тому же посредством орудий опредмечиваются другие вещи, создаются другие предметы. Результат вещественного опредмечивания — созданные предметы, средства жизнедеятельности, из которых складывается искусственная среда жизни людей.

Опредмечивание не следует смешивать с потреблением предметов — в этом случае чаще имеет место распределмечивание, распознавание и присвоение тех свойств, которые были опредмечены. Так действует механизм наследования опыта.

Высшая форма опредмечивания — знаковая реификация (знаковая объективация), возникающая в ходе коммуникации. Знаки служат средством обозначения структур общения и тем самым поддерживают возможность их сохранения, преемственного развития. От других опредмеченных объектов, например орудий тру-да, знаки отличает их функциональное свойство «обозначения».

Кроме того, в средствах, орудиях предметных действий материальная природа еще очень значимо «отягощает», «диктует» возможности, «затмевает» социальный контекст. Будучи использован-ными в знаковой форме, свойства предметов-носителей приобретают чрезвычайно широкую гамму условности значений в коммуникации, в некотором роде «отрываются» от вещественной оболочки, внимание обращено уже не к ним, они теперь очевидны лишь как свидетельство общения людей. Без погружения в контекст, в форму сообщения первоначально мы не обращаем внимание ни на тембр голоса, ни на особенность почерка — сначала нас интересует, что же нам хотят сказать. И даже потом, погрузившись в контекст, мы ищем в экстралингвистических свойствах сообщения намерение адресанта. У участников коммуникации появляется возможность выразить и закрепить свое отношение к действиям, событиям.

Важно отметить, что в область действия институционализации попадают не только структуры взаимоотношений людей, но и опосредующие эти взаимоотношения знаково-символические конструкции, в совокупности образующие знаково-коммуникативные системы; универсальная форма для них — это язык. Другое их важное отличительное свойство — выполнение функции обозначения лишь в знаково-коммуникативной системе, в языке. Эво-люция знаков начинается с форм внутрипопуляционного взаимодействия в животном мире — с жестов, запахов, расцветок и прочих сигналов, рассчитанных на реакцию других особей. Язык — самая совершенная, универсальная знаково-коммуникативная система, его возможный объем памяти выходит за пределы природных данных популяции.

Продукты знаково-коммуникативной деятельности становятся субреальностью, виртуальной реальностью. У человека развиваются способности оперировать знаковыми средствами как моделями действий, усваивать абстрактные объекты в гамме

человеческих ощущений, воображения. Запечатлевая в памяти образы знакового конструирования, человек обращается к ним как к своим переживаниям. Поскольку знаковые средства даны как средства коллективного общения, то и сама познавательная деятельность как бы выносится вовне, она становится сознанием. Сознание — это идентификация познавательных образов социума с его, принятие познавательных образов как собственных конструкторов и регуляторов поведения. С возникновением сознания появляется потребность познавательной деятельности в виде интенции — направленности на предмет. Люди живут уже не только в мире органических потребностей, но и во все более воображаемом идеальном мире. Уже не только выживание — экономное удовлетворение своих потребностей (что характерно для животного мира) — и не наращивание ресурсов для более полного удовлетворения имеющихся и новых потребностей является предметом внимания общества. Многие тысячи лет человечество озабочено развитием своей способности — преемственно передавать опыт, пользоваться опытом, получая выгоду, удовлетворение и новую потребность, т.е. поддерживать культуру. Итак, мы схематично проследили эволюцию форм памяти, наследования опыта. Структуры устойчивы в долговременном интервале, когда располагают и поддерживаются формами памяти, обладают свойством седиментации. Важен проделанный экскурс и для понимания образования, его устройства. Феномен образования связан с формами культуры, поэтому направление исследования его как формы рефлексии опыта в структурах сознания всегда будет иметь важное методологическое значение. Однако корни и образования, и познавательной способности людей уходят в глубокие пласты природной и исторической эволюции структур общения людей, их институционализации.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Вопрос о том, что же составляет субстанцию социальной жизни — человек или общество, так или иначе экстраполируется на анализ любого социального феномена, тем более его решение обуславливает понимание социальной природы образования. Наиболее полно эти подходы выражены в теориях К. Маркса и М. Вебера. Упрощенно изложим их позиции. Согласно Марксу, человек — это продукт общественного развития; согласно Веберу, эмпирически мы обнаруживаем лишь человека и его действия, а общественные структуры — это лишь те же самые «социальные действия» людей и как предмет исследования — «идеализованные конструкции», «идеальные типы социальных действий».

Современная социология «наводит мосты» между этими «крайними» позициями. Реальной субстанцией представляется социальная жизнь, в которую включены и структуры общества, и человек — исходный структурный элемент общественного устройства. Одно без другого утрачивает основы своего существования, а теоретическая рефлексия одностороннего подхода лишь условно наращивает абстрактные смыслы. Для практики эти два подхода бесплодны при отсутствии взаимной экспликации. Сейчас, в условиях тотального увлечения «человеко-центризмом» при анализе культурных проблем, особенно в социологии образования, чаще приходится апеллировать к общественной обусловленности. Можно объяснить эту волну интереса к «человеческой» проблеме-матике длительным засилием

тотального общественно-центристского мышления, характерным не только для советского общества, но и в той или иной степени — для всего человечества XX в. Являясь сторонниками марксистской позиции и полемизируя с М. Вебером, мы можем сказать, что «эмпирическая очевидность» зависит от оснащённости исследователя — например, прежде эмпирически не воспринимался микромир физических процессов. Мы уже показали ограниченные возможности индивида даже в плане биологического наследования, которое распределено в генотипе популяции и в фенотипе. Каждый человек является участником репродуктивного процесса, а также сложных взаимосвязей разделения труда и прочих форм общения. Наследуемые общественные свойства разовьются у индивида только при наличии определенных факторов окружающей среды.

Эти замечания важны, поскольку мы начинаем выстраивать общественные структуры. Достаточно убедительное решение проблемы «человек — общество» представлено в символическом интеракционизме, позиции которого мы используем при реконструкции этапов институционализации форм общения людей. Прежде чем двигаться по ступеням структуризации форм общения, ведущим нас к социальному институту (в том числе институтам образования), обозначим эти ступени:

- хабитуализация и типизация;
- ролевая идентификация и ролевая типизация;
- социальная норма;
- институция;
- легитимация;
- институт.

Простейшей, первой фазой структуризации форм общения, по убеждению П. Бергера и Т. Лукмана, является Хабитуализация (опривычивание). Человек вырабатывает определенные приспособительные реакции, которые позволяют ему устойчиво взаимодействовать с факторами той или иной среды. Понятие *habitus* как структурирование восприятия ситуации основательно проработано

П. Бурдьё. Однако можно отметить, что речь идет о более широком процессе — об адаптации, результатом которой и является *habitus*. Вместе с тем человек как разумное существо в ходе адаптации использует не простые реактивные действия, а включает свое сознание. Поэтому *habitus* характеризует не только состояние среды, не только арсенал средств организма, его привычки, но и тот субъективный образ, представление, которое складывается у субъекта по поводу определенной ситуации, психологическую адаптацию. Ж. Пиаже рассматривает адаптацию как ассимиляцию (использование наличных матриц восприятия — образов, познавательных моделей ситуации) и аккомодацию (реконструкция этих матриц восприятия).

Выделяя исходную клеточку социальной структуризации, мы не уходим и от марксистской традиции объективного анализа общественного процесса. Прочитируем известное положение К. Маркса и Ф. Энгельса: «Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью... Производя необходимые им жизненные средства, люди косвенным образом производят и саму свою материальную жизнь... Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он

является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни» .

В этой цитате акцентируются очень важные моменты, необходимые для понимания первичной структуризации. Во-первых, в качестве исходных, наличных факторов ситуации для «действительных индивидов» присутствует нечто, что создано их собственной деятельностью.

Во-вторых, нечто они находят уже готовым, наследуют от предшествующих поколений. В-третьих, процесс освоения условий жизни вместе с тем представляет собой воспроизводство не только физического существования индивидов, — это уже «способ» последующей деятельности как их самих, так и тех, для кого определен данный образ жизни. Собственно, этот «способ» мы и рассматриваем как первичную форму структуризации.

Такой теоретический подход в развертывании концепции институционализации может показаться заимствованием из биологии и психологии, но мы сознательно его используем. Во-первых, первоначально в генезисе форм общественной жизни (соответственно, и института) мы имеем дело с естественными предпосылками.

Во-вторых, структура задается не в виде совершенного продукта творения, не как завершенная жесткая конструкция — мы проходим этапы от «мягких» структур (жизненных ситуаций и целенаправленных действий) к более «жестким» конструкциям, т.е. к социальным институтам. Наконец, в нашем представлении удерживается понимание социальных институтов как неких сфер жизни человека, общества.

Человек как существо разумное, осваивая ситуацию, производит не только какие-либо действия и демонстрирует определенные реакции, но и использует возможность отражения с помощью органов чувств, сознания, закрепляя опыт в образах, конструируя типы своего восприятия. Количество ситуаций снижается, появляются обобщенные их типы, на которые переносится акцент ре-

активности, конструктивных действий, формирование органов взаимодействия. Чем больше развита психика индивидов, тем более дифференцированными, типизированными оказываются их жизненные ситуации и ответные формы поведения.

Можно сказать, что типизация продолжает структуризацию. При этом тип — это уже обобщенный фрагмент реальности, способный быть сред-ством сравнения, оценки, отбора наиболее приемлемого в конструировании последующих хабитуализированных действий. Это то, что, согласно М. Веберу, делает действия человека ориентированными целе- и ценностно-рационально.

Следующая фаза структуризации предполагает уже выход на социальные конструкты, это первая фаза собственно институционализации. Атрибутивно важным для институционализации является то обстоятельство, что типичными должны стать не только ситуации, но прежде всего задействованные в ней лица, а это, в свою очередь, возникает лишь на основе ролевых идентификаций. Последующий процесс институционализации возможен лишь в условиях взаимной типизации действий со стороны деятелей разного рода.

Из всего многообразия факторов окружающей среды жизненно полагающимися для человека являются его взаимодействия (интеракции) с другими людьми. Человек в биологическом отношении рождается самым беспомощным по сравнению с другими представителями животного мира, поэтому усиливается необходимость замещения

недостающих ресурсов биологического поля социальными конструктами, социальным взаимодействием, общением. Это канал самоидентификации человека, его самосохранения, мощи, жизненной энергии.

Символический интеракционизм предлагает основательную концепцию становления как самосознания человека, его Я (ego), так и ролевых структур взаимоотношений людей.

При этом и ego, и ролевые структуры выстраиваются в режиме взаимно обусловленного взаимодействия, в ходе интеракций. Дж. Мид и Ч. Кули теоретически и экспериментально доказали, что Я — это состояние поиска себя «в другом», это зеркальное отражение себя «в другом». Действует природная интенция подражания.

Поскольку ближайшим источником пополнения опыта являются «другие», надо устойчиво взаимодействовать с ними, а для этого нужно знать их намерения, их отношение «ко мне». Оптимальных результатов можно достичь, учитывая интересы тех лиц, с которыми вступаешь в кооперированную или в какую-либо другую совместную деятельность. Согласно теории символического интеракционизма процесс социализации индивида и групповой динамики происходит наполнением самоощущений, через восприятие «себя в других» с последующим построением ролевого поведения. Поле интеракций — не случайные встречи случайных индивидов, оно структурировано по значимости контакта. Первые матрицы-структуры как для личной идентификации, так и для межличностного взаимодействия — это «значимые другие», т.е. те, от кого мы более зависим (для ребенка, например, это его родители, родственники, соседи; для человечества — динамика этнических образований).

Типизация «значимых других» приводит к появлению представления об «обобщенном другом». Это уже ролевая типизация. Ролевая структура имеет не менее двух отпечатков памяти: во-первых, память сохраняется в представлении, в образе «обобщенных других» и соответствующих ожиданиях индивида; во-вторых, она поддерживается как «местоположения» участников совместных действий. При этом она может быть закреплена, опредмечена в материальных средствах взаимных действий, наконец, в знаковых системах.

Ролевая типизация — исходная ступень институционализации. Ролевые структуры — важнейший фактор общественной динамики, становления и развития общества. Они служат формой для разделения труда и интеграции общества, поддерживают все более усложняющиеся формы общения, кооперации, организации.

Ролевые структуры могут возникать и распадаться. Их поддерживают, сохраняют и продлевают нормы — следующая ступень институционализации. В словарях нередко понятие «институт» истолковывается как «установление», «норма». Можно довольствоваться определениями словарей и просто признать, что нормы служат регуляторами ролевого поведения. Однако этот вариант не прибавляет нам понимания связующих фаз развития в институционализации. Существует ли различие между ролевым и нормативным поведением, и если да, то в чем оно? Как трансформируют нормы поведение человека, групп? Какую нагрузку несут они в институционализации? В развитом социальном поведении ролевой и нормативный аспекты как бы немислимы друг без друга. Но попробуем рассмотреть их по отдельности.

Социальная норма оказалась наиболее надежным в истории «материалом» для обустройства института, и до тех пор пока она не обретет прочную социальную почву в поведении человека, в сфере жизни не может быть и речи об институциональном

обустройстве. В ходе длительного взаимодействия индивиды вполне способны выстроить для себя удобные ролевые позиции и использовать их для личного взаимодействия, общения. Однако институт действует лишь там, где заданные ролевые позиции способны замещать не столько те, которые участвовали в их создании, сколько те, которые последуют за ними. Эту функцию реставратора институциональных матриц для каждого новых поколений индивидов выполняет социальная норма.

С переходом от ролевого к нормативному поведению представление о «значимом другом» начинает сопровождаться представлением об «обобщенном другом», которое является уже весьма близким аналогом социальной нормы.

Но до тех пор пока основу представления об «обобщенном другом» составляют конкретные персонажи, как ориентир поведения оно нестабильно, ненадежно (персонажи не оправдывают ожидания и смертны) и не поддается какому-либо социальному контролю (персонажи своевольно разрушают привычные, ожидаемые черты образа). Структуры взаимоотношений людей должны обрести новую, более устойчивую, интегрирующую, узнаваемую символическую оболочку.

Универсальным материалом для достойного и «бессмертного» бытия «обобщенного другого» и для бытия социальной нормы оказались знаки, символы, главное достоинство которых — возможность быть использованными в функции обозначения и подвергаться манипулятивным действиям. С помощью знаковых систем «обобщенный другой» способен предстать одновременно в контекстах многообразных взаимодействий, а все представления, ожидания, личные конструкты образуют связную картину опыта, мира. Кроме того, предоставляется возможность коррекции, видоизменения, а главное — контроля, чем занимаются и будут заниматься люди в своей культурной практике, которые ищут более подходящее воплощение своих идеалов. Так, наряду с «телесными», природными связями, конструкциями человеческих взаимоотношений в социум вторгаются искусственные, «сверхъестественные» связующие их объекты.

Приведем примеры ролевого и нормативного поведения. Ролевые структуры возникают в результате прямого взаимодействия людей и являются весьма разнообразными. Будучи пережиты опытом, роли могут долго удерживаться в памяти, в ожиданиях участников-создателей. Допустим, группа людей случайно попадает на остров. Через некоторое время в ходе их взаимодействий произойдет распределение функций, у каждого окажется своя роль. Помимо прямых функций кооперации роль предполагает и сопутствующее поведение. В нашем примере люди привыкнут к сложившейся кооперации, в их памяти надолго сохранится образ действий участников. Если представится случай вновь побывать на острове, даже если ситуация резко изменится, они вспомнят прежние роли и, вероятно, будут следовать прежним ролевым диспозициям. Основой стабильности ролевого поведения являются память, восприятие, ожидание поведения участников. Носителями ролей являются действующие лица.

Иная ситуация с нормативным поведением. Допустим, на остров попадает новая группа людей, терпящих бедствие. Они находят журнал своих предшественников, т.е. перенимают их знаково реифицированный опыт, и выстраивают свою жизнь на острове с учетом добытых сведений. В данном примере мы имеем дело уже с нормативной моделью поведения.

Нормативное поведение генетически возникает из ролевого. Можно также

предположить, что нормы складываются в результате ролевого конфликта и как соглашение по поводу некой ситуации, действий участников. Однако норма как продукт соглашения (а быть может, давления и насилия) устанавливает взаимоотношения безотносительно личных свойств участников, т.е. обезличенно, уравнивая шансы партнеров присутствием виртуального «третьего» лица — общества. Обезличенность достигается тем, что норма функционирует, опредмечивается не только в свойствах и действиях участвующих лиц, а в символических, знаковых конструкциях, которые и репрезентируют виртуального субъекта.

Субстанцией — носителем диспозиции нормы служит не только память индивида и не только персонифицированный «другой человек», воплощающий норму в реальном действии, а ее знаково-символическая оболочка. Переход «обобщенного другого» от конкретного человека к символам является своеобразной метаморфозой. Этот конструкт человеческого общения становится относительно самостоятельным фактором, «виртуальным участником» взаимодействия людей.

Выраженные символами, нормы представляют уже не конкретных участников действий, а социум, его установления. Собственно, общество теперь выступает субъектом, от имени которого норма выражает и предъявляет свои требования.

Выражая «значимого другого», норма содержит и различные модальности побуждения — от желаемого до должного, от самовыражения до императива. Репрезентируя «обобщенного другого», норма выстраивает свою диспозицию, способность сохранять контекст живого опыта индивидов, каждодневно расширять, выстраивать перед индивидом реальность для выбора, оценки, действия. Норма действует лишь при наличии уже сложившегося опыта взаимоотношений людей, который готов вполне соответствовать нормам.

Знаковое выражение социальной нормы вводит и другую очень важную функцию — интерсубъективную седиментацию фрагментов опыта. Напомним, что для естественных наук седиментация означает «выпадение в осадок». В личном плане седиментация предполагает «выпадение в глубокую память личного фрагмента биографии». Знаковое опосредование общения делает доступным седиментацию для интерсубъективного, коллективного опыта, а благодаря анонимности появляется возможность его условности и функциональности. «Объективно доступная знаковая система придает статус зарождающейся анонимности осажденному (седиментированному — Н.В.) опыту, благодаря отделению его от первоначального контекста индивидуальных биографий, делая их общедоступными для всех, кто владеет или может овладеть в будущем рассматриваемой знаковой системой. Таким образом, этот опыт становится готовым к передаче другим поколениям» .

Мы подошли к простейшей элементарной форме института — институции. В любом современном социальном институте легко обнаружить его молекулу — матрицу ролевых взаимоотношений: для рынка это «покупатель — продавец»; для политических институтов, для государства — «руководитель — подчиненный»; для производственной сферы — «мастер — подмастерье»; для образования — «учитель — ученик» и др. Все, что сопутствует этим матрицам общения, складывается вокруг них и вместе с ними, — это лишь чем-то полезный либо бесполезный интерьер или антураж. В жизнь семьи, рынка, школы, государства включается множество опосредующих факторов, средств, однако в конечном счете основные акторы институций должны быть удовлетворены своим контактом, взаимодействием.

Мы точно не знаем, по каким лексическим тропам «кочевал» термин «институт», пока в расхожем толковании не закрепился за названием высших учебных и научных заведений. Скорее всего, сказалось влияние римских «институций», служивших при императоре Юлиане и в качестве элементарных учебников по праву, и в качестве юридических кодексов — книг законов. Лексическое и культурно-генетическое переплетение феноменов редко бывает случайным. Феномен слияния образования и институционализации в одной и той же лексической форме — для нас дополнительный аргумент выбранного пути поиска культурно-генетических основ образования. Как видим, институционализация и образование — явления, органически связанные в общем социальном процессе.

Институция — это ролевая матрица общения с комплексом норм, поддерживающих общение, глубоко укоренившаяся в человеческой культуре, поскольку поддерживает устойчивость наиболее важных сторон общественной жизни. В человеческой культуре сложился набор институций, а появление новых возможно лишь при глубоких изменениях цивилизации. Становление и развитие социальных институтов происходит как размножение, видоизменение институций, установление форм их взаимосвязи и т.п. При этом социальные институты могут отчасти заимствовать институции других институтов.

Путь от институции к институту лишь начинается с появления ролевых структур. На этом пути надо преодолеть множество препятствий. Устойчивость и воспроизводимость структур, их сохранение зависят не только от участников — «создателей»: их трансляция от одних людей, групп к другим должна быть полноценной, т.е. сохранять достижения, в полном объеме передавать содержащийся смысл, быть способной к реконструкциям, обновлениям и т.д.

Прослеживаются два направления дальнейшей структуризации институтов, превращения молекул общественных связей — институций — в полноценные институты: жесткое (формально-организационное) и эластичные формы культурной саморегуляции. Оба направления взаимообусловлены и органично переплетены. Первое охватывает процессы социальной организации, предполагая упорядочение структурных и функциональных связей, формирование органов взаимодействия, установление взаимозависимостей, появление структур координации, управления, развития — все то, что сопутствует становлению института как социальной организации.

Второе направление структуризации институтов — это универсальная, культурная адаптация структур общения, формирование культурных практик в виде ценностей, мнений, нравов, обычаев, традиций. Наиболее значимую роль в институционализации играют развитые культурные практики, которые сами являются социальными институтами, — религия, искусство, наука, технологии, образование. Они выполняют важнейшую функцию институционализации — легитимацию институциональных норм. Легитимация — неотъемлемая функция и фаза институционализации. Без собственных структур легитимации социальные институты были бы обречены на распад, на эфемерное существование. Легитимация призвана завершить институциональное устройство. Здесь мы подходим к пониманию той роли, которую выполняет образование в общественном устройстве, в общественной жизни.

ЛЕГИТИМАЦИЯ

Благодаря реификации (перевод в предметно-знаковую структуру) образ «обобщенного другого» надежно откладывается в памяти (седиментируется) и его можно передать следующим поколениям. Но как совместить в индивидуальном и коллективном сознании знаковые реалии (символические конструкты) и субъективную реальность (событие)? Эту задачу решает легитимация — распознавание содержащегося в знаковых структурах смысла; символические конструкты принимаются в оснащение субъекта как структуры общения, как средства самоидентификации, как нормы, регулятивы институционального поведения.

Эта фаза институционализации достаточно убедительно изложена в концепции Бергера — Лукмана. Чаше термин «легитимация» используется в юридическом контексте — «действующее на законных основаниях, на правовых нормах», однако он имеет более широкий социальный контекст — «понимание», «признание». Даже если очень строгий законодатель продекларирует какие-то требования, но их не поймут и не примут исполнители, к которым они обращены, требования не станут нормами поведения, т.е. не будут легитимными.

Если ролевое поведение может усваиваться в ходе прямого общения с задействованием лишь арсенала личных знаков выражения (мимика, жесты), то нормативное опосредовано сопутствующим значением предметных знаков-символов. Совсем иное дело, когда нам предлагают закодированное в символах сообщение с указанием — совершить нечто только потому... что это содержится в тексте этого предписания. Тут-то нам нужно убедиться, что оно имеет какой-то смысл, какое-то отношение к ситуации, чем-то полезно или вредно для нашего действия, для жизни. Суть проблемы легитимации именно в том, чтобы каждый воспринимающий знаково выраженную норму раскрыл для себя смысл ее содержания. Он хочет вернуться к более понятным ролевым структурам, с их помощью понять смысл ситуации, интересы участников, осознать свой интерес в ней.

Вернемся к примеру с нашими «островитянами». Вспомним, как новая группа терпящих бедствие на острове нашла журнал своих предшественников. Последующие действия островитян обусловлены нормативной моделью поведения. Однако если не произойдет легитимация записей журнала (например, если записи сделаны на непонятном языке или вызывают недоверие), то их ценность для новичков окажется минимальной. Итак, новички должны «понять» сообщение и выразить к нему свое «доверие», т.е. «принять», и каким-то образом идентифицировать себя со своими предшественниками. Чтобы нормы могли закрепиться по отношению не только к их участникам-создателям, но и по отношению к каждой новой группе людей, — в процессе институционализации необходимы формы, средства легитимации.

Итак, без передачи опыта, институциональных матриц ролевого общения новым поколениям, т.е. «другим», которым приходится их реконструировать, невозможно независимое, объективное, интерсубъективное существование социального института. Лишь будучи выраженным в реифицированной (овеществленной) форме, он приобретает сверхъестественный статус развертываемых модальностей; его требования уже не своеволие «значимого другого», а данное «от природы», «от Бога», «от виртуального субъекта». С другой стороны, индивид лишь тогда получает комфортные, удобные ролевые местоположения в социальном взаимодействии, когда освоит эти нормы, т.е. пройдет социализацию. Как видим, эти два процесса личного и общественного становления (или институционализация и интернализация социального

опыта) стремятся навстречу друг другу, при этом сходясь или расходясь. Одним из решающих «плацдармов» их общих созидательных усилий является легитимация, которая и призвана довершить как институциональное строительство, так и оформление личности.

Пока институционализация охватывает представителей одного поколения — нет надобности в легитимации. «Проблема легитимации неизбежно возникает, когда объективации (теперь исторические) институционального порядка нужно передавать новому поколению. Как мы видели, на этом этапе самоочевидный характер институтов не может поддерживаться благодаря нашей собственной памяти и хабитуализации. Единство истории и биографии прерывается. Для того чтобы его восстановить и сделать тем самым понятными оба его аспекта, необходимы «объяснения» и «оправдания» бросающихся в глаза элементов институциональной традиции. Легитимация и есть этот самый процесс «объяснения» и «оправдания». Легитимация «объясняет» институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность объективированным значениям. Легитимация «оправдывает» институциональный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам. Важно понять, что легитимация имеет когнитивный и нормативный аспекты» .

В морфологическом анализе социальной нормы чаще обращалось внимание на диспозицию, императив и санкцию нормы. Диспозиция указывает на некие условия, предпосылки нормы, императив содержит ее требования, правила, а санкция — способ ее подтверждения в поведении. Между тем легитимация — это процесс, который объединяет элементы нормы в целое: условия и действие, мотив и наказ, цель и результат.

По сути, человеческая культура является наиболее универсальной сферой действия легитимации. Она закладывает и воспроизводит механизмы освоения предметов, явлений социальной жизни человека как ценностей, выстраивает селекторы «своего» и «чужого», «вредного» и «полезного», создает и реконструирует нормы. Ключевая роль в культуре отводится знаковой коммуникации. Соответственно, и уровни легитимации у Бергера и Лукмана предстают как формы овладения знаково-коммуникативными системами культурного общения:

- номинация — научиться обозначать именами предметы, явления;
- операционализация — научиться оперировать знаковыми конструкциями как предметами;
- дисциплинарное овладение системами знаний;
- овладение символическим универсумом.

Номинация — ближайшая предпосылка овладения человеческой культурой. Мы это наблюдаем, когда ребенка учат обозначать словами (именами) людей, предметы, события. Еще более подвижно в ходе социализации, воспитания происходит подспудное закрепление за предметами, действиями знаков невербального характера (жестов, символов). Номинация (обозначение именем) — очевидный, но вместе с тем чрезвычайно важный элемент человеческой культуры. С именованья начинается таинство привнесения в общение ценностного, субъективного, частицы Я. Вместе с тем без «правильного», однозначно воспринимаемого коммуникатором и реципиентом построения имени невозможна устойчивая коммуникация.

Операционализация — развитие способности человека оперировать знаковыми конструкциями как предметами, и, в свою очередь, закрепление инверсии —

оперирование предметами в соответствии со знаковыми моделями. Эта фаза выделяется не только в концепции Бергера — Лукмана, но и во многих психолого-педагогических концепциях как развертывание умственных действий. Дисциплинарная стадия легитимации — использование систем знания как моделей взаимодействия людей, как форм реальности. В следующем разделе мы будем подробно вести речь о генезисе дисциплины как развитой формы культурной практики и о дисциплинарном обучении как форме образования.

Завершающей фазой легитимации Бергер и Лукман называют генерацию символического универсума. Каждый человек, принимая решение, руководствуется не каким-то одним источником информации, а многими сообщениями, выраженными в виде символов, т.е., по выражению И. Канта, вынужден осуществлять синтез знания. Кому-то дано осуществлять эту генерацию чаще и более ответственно, а кто-то ограничивается здравым смыслом текущей повседневности. Если увязывать генерацию символического универсума с предыдущей фазой легитимации — освоением дисциплинарных систем знания, то вполне очевидно, что речь идет о междисциплинарной динамике, о способности человека, культуры восстанавливать, сопоставлять смыслы событий, фактов, понятий различных дисциплин.

САКРАЛИЗАЦИЯ

Наиболее простой способ понять и принять тот или иной факт, событие — это пережить его (или пережить аналог события), убедиться в его достоинствах и недостатках, осознать его пользу или вред. Но если этот факт «оброс» в культурном наследовании слишком большим количеством ситуаций, событий, а главный его смысл, хотя и был пережит кем-то из предков, но чрезвычайно труден, а может быть, и опасен для воспроизводимости, то как же его понять и принять ограниченному в возможностях индивиду? Человеческая культура нашла выход из этого положения, предложив механизм сакрализации — освящения, понимания через уверование в святость, глубокую общественную значимость. Величайшую роль в культивировании сакрализации сыграли в традиционной цивилизации религия и ее институт — церковь. Благодаря церкви человечество приобщилось к пользованию далеко не очевидными, утилитарно как бы бесплодными, абстрактными сущностями — их знаковыми конструкциями, т.е. пользованию текстами (словами-понятиями).

Сакральное не является приемлемым исключительно для религиозной практики. Каждый социальный институт располагает своими средствами сакрализации: в искусстве надо поверить в реальность его иррациональных образов, чтобы ощутить эстетическое наслаждение; в науке чаще приходится принимать на веру исходные постулаты; в образовании надо не только понимать, но и верить в реальность, значимость того, что преподают.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Подытожим наши представления об институционализации.

Функция социального института — поддерживать стабильность форм взаимоотношений людей, предлагая приемлемые, удобные, эффективные, наследуемые и реконструируемые матрицы взаимодействий.

Основные элементы института — действия людей (включая их внутреннюю психическую деятельность), их позиции (положения, отношения) и знаковые средства.

Фазы институционализации человеческих действий:

- структуризация и типизация;
- хаби́туализация, ролевая идентификация;
- превращение действий, элементов ситуации в норму на основе их реификации;
- седиментация структур общения и их символического выражения в знаково-коммуникативных системах;
- легитимация (распознавание культурных образцов, признание, репродукция и реконструкция институционализированных структур).

Социальный институт — это не просто формальная организация, члены которой выполняют определенные функции, он должен глубоко проникать в социальную жизнь, используя формы адаптации, сеть знакового опосредования, нормативного регулирования, легитимации (узнавание, идентификация, принятие, действия).

Современная цивилизация для обустройства социальных институтов создает средства такой легитимации — свои институты (церковь, наука, школа), задача которых — поддерживать знаково-символическое оснащение коммуникаций в сферах жизни и их институтах.

Вместе с тем следует иметь в виду, что институционализация (как процесс структуризации форм социальной жизни) проходит определенные фазы. Существуют «жесткая» модель социального института и «мягкие», промежуточные формы — жизненные ситуации, сферы жизни, социальные роли и нормы, разнообразные формы кооперации совместных действий, социально-групповая дифференциация и т.п. Они многообразны, поэтому таким многоголиким оказывается феномен «социальный институт» в теоретической рефлексии, и нередко направление рефлексии предопределяется тем, на какой стадии институционализации принят этот феномен как предмет исследования. Но если мы не видим его общей логики развития, то можем утратить смысл всей этой емкой, универсальной, основополагающей социальной конструкции.

Вернемся к вопросу о том, является ли образование широко специализированным институтом социализации подрастающего поколения или выполняет также и другие общественные функции. Нам потребуется проследить становление институтов образования в истории человеческой культуры и более содержательно раскрыть роль образования в социализации личности. Однако очевидно, что задачи образования не ограничиваются областью проблем развития личности, а затрагивают и общение людей. При этом мы не разрываем процессы онтогенеза личности и формирование, функционирование общественных структур.

Такую востребованную для образования область представляет легитимация институциональных структур, которые связаны со знаковыми средствами трансляции опыта, специализированными системами знаний и символическим универсумом; собственно, посредством этих структур поддерживается культурное усвоение опыта предыдущих поколений. За свою 3 — 4-тысячелетнюю историю школа занимается обучением дисциплинарным системам знания.

Разумеется, в воспроизводстве и развитии дисциплинарных систем знания социум полагается не только на подрастающее поколение, но и на институты, которые воспроизводятся в социально-профессиональных структурах (религия, искусство, наука и пр.). Проследим, как в ходе исторической эволюции изменяются способы наследования

Добавил(а) Социология
11.01.11 18:21 -

культурного опыта и происходит институционализация образования.